

Вольлебен П. Тайная жизнь деревьев. Что они чувствуют, как они общаются – открытие сокровенного мира

пер. с нем. Н. Штильмарк; под ред. А. Беликович – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 224 с.

От этого как-то неуютно. Не удивительно — люди привыкли видеть в растениях только будущую пищу, будущий материал или топливо, нечто неодушевленное. Но вот, оказывается, они и что-то чувствуют, и самыми разными способами реагируют на происходящее. И это не личное мнение автора: ученые всерьез начинают говорить о когнитивных способностях растений, выявленных в ходе экспериментов. (Между прочим, замечает Вольлебен, есть немало живых организмов, у которых сигналы по нервной системе распространяются примерно с той же скоростью, что и в растениях.) Проще говоря, растения по-своему способны анализировать и интерпретировать окружающий мир и в соответствии с полученными данными строить свое поведение. Разумеется, уйти они никуда не могут — но могут подвигнуться, изогнуться, изменить стратегию размножения, препятствовать или, напротив, способствовать появлению рядом с собой других живых организмов. Иными словами, каждое растение стремится оптимальным образом изменить вокруг себя окружающую среду, и чем растений больше, тем легче им это удастся, особенно если речь идет о растениях дружных видов. Именно они и составляют лес. Понятно, что не все растения одинаково хорошо уживаются друг с другом, поэтому все леса разные, и разнообразие это определяется не только климатическими условиями. Кстати, именно поэтому часто оказываются неудачны-

Вечно живой лес

Видеть лес во всей его целостности — как единый суперорганизм — стремится научить нас немецкий лесник и лесовод Петер Вольлебен. Нет, «лесовод» здесь слово не совсем подходящее. Лесовод относится к лесу, как огородник — к своему огороду, как к совокупности растений, предназначенных на съедение. Так и тянет написать «на убой» — и сам Вольлебен начинает книгу со слегка шокирующего сравнения: «Когда я начинал свой профессиональный путь лесника, я знал о тайной жизни деревьев примерно столько же, сколько мясник о чувствах животных». Он возвращается к этому сравнению и позже: «Параллели со шницелями и свиньями вполне допустимы. Мы используем живые организмы, которых убивают для наших целей, и нечего приукрашивать».

ми попытки посадок лесов из пород, распространенных на других континентах или в удаленных регионах, — на новом месте, несмотря на все усилия человека, они чаще всего оказываются в положении гонимых мигрантов.

Итак, любой естественный лес работает как единый суперорганизм, в котором важнейшие функции выполняют не только сами деревья, но и другие растения, животные и грибы. Грибы — а точнее нити грибницы — образуют каналы, с помощью которых деревья могут обмениваться информацией. С точки зрения Вольлебена, такой лес обладает памятью, чувствами, а деревья в нем способны к коллективным действиям — примеров тому он приводит немало.

В обращении с животными, растениями и другими организмами должно соблюдаться достоинство Творения

Почему мы всего этого почти не замечаем? Да потому что жизнь растений протекает совсем в ином темпе, деревья чрезвычайно «медленны», хотя сам лес в определенных ситуациях очень динамичен — взять хотя бы зарастание гарей и вырубок. Средняя продолжительность жизни дерева в естественных условиях обычно в 4–5 раз дольше человеческой, что уж говорить о долгоживущих видах, таких, как дубы и некоторые сосны. Исключение составляли березы, осины, ивы и другие так называемые пионерные виды, что первыми заселяют нарушенные участки леса. Они растут очень быстро, и век их так же короток, как человеческий.

Однако нетронутых человеком девственных лесов в Европе практически не осталось (последний сравнительно крупный массив сохранился только на Северном Урале). Связано это не только с индустриализацией и урбанизацией последних десятилетий — главным

врагом леса многие столетия было традиционное сельское хозяйство. Именно оно радикально изменило облик Западной Европы, постепенно уничтожив любимые Вольлебенем буковые леса. Потом пришли лесопромышленники: они предпочитали быстрее достигавшие зрелости и более удобные в обработке хвойные породы — их можно было рубить и сажать, рубить и сажать... О способности такого леса сопротивляться вредителям и пожарам думали в последнюю очередь. Конечно, издревле существовали заповедники, но они предназначались прежде всего для охоты, и предпочтение в них отдавалось удобным для охоты животным — например, кабанам и оленям, для леса не слишком полезным.

Все леса разные. В Восточной Европе, например, бук расти уже не может, здесь для него слишком холодно и сухо, а наше российское Нечерноземье изначально уже зона южной тайги, где по мере продвижения на север лиственные породы уступают место хвойным. Но в Германии, Франции, на юге Скандинавии могли бы расти буковые леса из пятисотлетних гигантов, под пологом которых стоит вечный сумрак.

Итак, если деревья живые — обладающие памятью и чувствами организмы, способные к коллективным действиям, почему не признать за ними некоторые права? В самом деле, растения (Вольлебен говорит прежде всего о деревьях, но почему не травы и кустарники?) «имеют право полностью удовлетворять свои социальные потребности, расти в настоящем лесном климате с ненарушенными почвами и передавать свои знания последующим поколениям». Позиция эта уже нашла отражение в конституции Швейцарии, в которой записано, что «...в обращении с животными, растениями и другими организмами должно соблюдаться достоинство Творения». Возможно, в дальнейшем удастся преодолеть веками формировавшееся отношение к лесу как к бездушному «складу сырья».

Пётр Дейниченко

НАТАЛИЯ ШТИЛЬМАРК © PRIVAT

Наталия Штильмарк: «Мы отвечаем перед человечеством за нашу часть планеты»

О том, как возникла идея перевода на русский язык книги Петера Вольлебена «Тайная жизнь деревьев» мы попросили рассказать ее переводчика – биолога, преподавателя, германиста Наталию Феликсовну Штильмарк. И вот что она ответила: «Эта тема мне близка и интересна. Идею перевода книг по истории ландшафта и экологической истории поддержали директор Института наследия Ю.А. Веденин и директор ИД ВШЭ Е.А. Иванова, за что я им очень признательна. В ИД ВШЭ вышло уже четыре книги в моем переводе: «История леса» Хансйорга Кюстера, «Природа и власть» и «Эпоха нервозности» Йоахима Радкау и вот теперь бестселлер Петера Вольлебена. В выборе книг я руководствуюсь простым критерием – все три автора могли бы стать друзьями и собеседниками моего отца Ф.Р. Штильмарка, который был биологом, занимался охраной природы и очень любил лес».

– **Насколько идеи Вольлебена популярны у лесоводов мира?**

– Книга Вольлебена написана, безусловно, не для ботаников и лесоводов, вообще не для биологов. Специалисту такое чтение неинтересно. Среди биологов существует негласный запрет на «очеловечивание» растений и объясняется он профессиональной осторожностью, боязнью ошибочных интерпретаций: не навредим ли мы деревьям, если будем приписывать им собственные представления о жизни? Поэтому говорить о популярности его идей среди специалистов я бы не стала. Однако большинство из них сходятся в том, что автор сделал великое дело, заставив читать о растениях людей, очень далеких от темы. Его успех – сенсация даже для «лесолюбивой» Германии. Кроме того, уже выходят книги, критикующие и разъясняющие Вольлебена. Немцы умеют работать над ошибками, причем коллективно.

– **Какие леса нашей страны можно считать естественными, и чем они отличаются от лесов Германии?**

– Я не совсем поняла – вы спрашиваете про различие самих лесов, или про разницу в менталитете по отношению к лесу? Я могу сказать скорее о менталитете. Немцы сознательно относятся к лесам и вообще к ландшафту. А у нас этого осознания нет. Ученые есть, и блестящие, но наука и жизнь – это вещи сильно разные. Вот «Лосиный остров», это национальный парк, охраняемая территория, да. Однако, что же там, внутри этого статуса? Лес, предоставленный самому себе, где деревья сами по себе живут? Или парк, где деревья посажены, и где, соответственно, надо бы за ними следить, ведь эти березы уже далеко не молоды? А вы не были там после урагана летом 2016 года? Немцы бы обсуждали этот апокалипсис всем миром.

Отношение к лесу в Центральной Европе – уникальное. Об этом пре-

красно пишут и Кюстер в «Истории леса», и Радкау в «Природе и власти». Здесь государство очень рано взяло лесопользование под строжайший контроль, каждое действие с невероятной дотошностью документировалось. Леса Германии очень ухожены, за здоровьем каждого дерева следит целая служба специалистов, все они имеют хозяев – в лице или государства, или частных лиц. Все изучено, подсчитано и сохраняется как зеница ока. Возможно, именно поэтому многие наши соотечественники вообще не считают немецкие леса лесами – скорее парками, этакий Саша Черный: «улитки гуляют с улитками по прилизанным ровным дорожкам». Я бы сказала, что это не совсем так, немцы в последние десятилетия очень много трудятся над тем, чтобы вернуться к более естественному облику леса. И это получается, природа вообще очень благодарно отвечает на труд и уважение.

Наши же леса заброшены, больны, и мы очень мало знаем, что с ними творится. Этакая terra incognita. С другой стороны, за счет гигантских площадей и (все-таки!) охраняемых природных территорий еще есть отдельные кусочки чего-то «настоящего», в смысле способного существовать и без ухода и слежения за здоровьем. Надолго ли хватит их сил?

– **Многие горожане, даже регулярно выезжающие за город, воспринимают лес как нечто чуждое и опасное.**

– Это, отчасти, связано с ответом на предыдущий вопрос, леса заброшены и не изучены, terra incognita – это, конечно, опасно. Потом просто стандартные вещи – в лесу ничего не видно, там дикие звери и разбойники, там могут быть бродяги и уголовники, там трупы прячут, там живут клещи и растут ядовитые растения, там можно заблудиться и не выйти. Мало ли... И я не уверена, что это можно менять, и даже не уверена, что это нужно менять. Если

менять, то надо превращать лес в парк с просеками, указателями, фонарями, асфальтом...

– **Что, по Вашему мнению, нужно сделать, чтобы сохранить наши леса?**

– Мой ответ здесь банален до оскомины. Думаю, нужно пересмотреть приоритеты и поставить на первое место патриотизм в понимании Маленького принца, героя Антуана де Сент-Экзюпери: мы отвечаем перед человечеством за нашу часть планеты. Тем более что она очень немаленькая. Применительно к лесам – мы должны их в первую очередь знать, должны иметь огромную разветвленную лесную службу, целую армию ботаников, почвоведов и пр. А когда и где вы в последний раз в нашей стране встречали лесника? Думаю, ответ у всех будет одинаковым.

– **А что Вы скажете про книгу Вольлебена как читатель?**

– Вы знаете, я его читала с некоторым предубеждением – как биолог я понимаю настороженное отношение к антропоморфизму. Наличие осязания, слуха и прочих чувств, а также намерений и пожеланий я не хотела бы комментировать, на мой взгляд, это просто художественный прием. А вот рассказ про городские деревья мне кажется просто замечательным. И, пожалуй, самое главное – это то, как автор говорит о времени. О том, что ключ к пониманию природы дерева кроется в другом восприятии времени. В нашей вечной спешке, да и в наших лучших гуманистических побуждениях мы рискуем вовсе забыть о том, что человеческая жизнь – это не единственное мерило, что благополучие и нас, и планеты в сильной степени зависит от тех, кто живет по иным законам и в ином темпе. И что скорость – это далеко не всегда хорошо.

Беседовал **Пётр Дейниченко**
РЕДАКЦИЯ ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
ЦЕНТРУ НЕМЕЦКОЙ КНИГИ В МОСКВЕ
ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛА